

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

1808—1809 гг.

З а к л ю ч е н и е ¹⁾.

Въ кампанію 1808 года мы впервые отступили отъ того способа дѣйствій, которымъ неизмѣнно руководствовались въ Финляндіи въ прежнія войны со Швеціей. Въ основаніе будущаго плана завоеванія этой окраины положень былъ, въ сущности говоря, отказъ отъ совмѣстныхъ операцій сухопутныхъ вооруженныхъ силъ съ морскими: рѣшено было вторгнуться въ Финляндію зимою и притомъ широкимъ фронтомъ «захвативъ какъ можно больше пространства *земли*». Предполагалось, что Финляндія окажется въ нашихъ рукахъ, какъ плодъ зимней кампаніи, а морскія силы понадобятся уже только для дѣйствій противъ самой Швеціи... И то, если припомнимъ, Императоръ Александръ еще въ Мартѣ 1808 года рассчитывалъ, что для согласія Швеціи на миръ будетъ достаточно *простой угрозы* Стокгольму путемъ переброски на шведскій берегъ самаго незначительнаго отряда.

Положимъ, ошибочность нашихъ расчетовъ на успѣхъ зимней кампаніи въ Финляндіи зависѣла, какъ мы и указывали въ своемъ мѣстѣ, въ значительной степени отъ неосновательныхъ упованій на

¹⁾ Продолженіе см. «Военный Сборникъ», № 10.

поддержку мѣстнаго населенія; но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что тяжелое положеніе, въ которомъ мы оказались къ началу весны 1808 года, проистекало и отъ слишкомъ опрометчиваго расходованія наличныхъ силъ въ погонѣ за разрѣшеніемъ нѣсколькихъ задачъ одновременно... Очевидно, слишкомъ низкая оцѣнка степени способности противника къ сопротивленію и нѣкоторая чрезмѣрная самоувѣренность играли также извѣстную здѣсь роль.

Иначе дѣйствовали и совѣтовали тѣ геніальные наши полководцы, которыми гордится наша исторія... Петръ Великій въ 1713 году, какъ извѣстно, началъ кампанію въ Финляндіи съ быстрого захвата Гельсингфорса, и, только утвердившись прочно въ южной части края, вплоть до Або, при помощи совокупной работы сухопутныхъ войскъ и флота, его генералы повели энергичное наступленіе вглубь страны, нанеся рядъ послѣдовательныхъ рѣшительныхъ ударовъ (при Пелькяне, Лаппола) *живой силой* противника. Наступленіе это ведено было при этомъ насколько возможно *сосредоточенно*, избѣгая одновременной погони за нѣсколькими цѣлями и дробленія войскъ на отдѣльныя значительно удаленныя другъ отъ друга группы... Суворовъ, въ своихъ «замѣчаніяхъ объ оборонительной и наступательной войнѣ въ Финляндіи», о которыхъ мы упоминали выше, держится, примѣрно, того же взгляда. Онъ считаетъ, что «незнатные набѣги» должно «презирать», а самимъ «таковыхъ иррупціевъ нечинить, ибо онѣ опасны». «Малая война *обоядно равна* и не полезна, изнуряетъ войско»; поэтому Суворовъ предостерегаетъ отъ дробленія на мелкіе отряды, а совѣтуетъ «лучше усыплять, нежели тревожить—и *дѣлать большой ударъ*». Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ болѣе опредѣленнымъ наброскамъ плановъ, Суворовъ,—если припомнятъ читатели—рекомендуетъ оперировать (либо на Свеаборгъ, либо на Або, заслонившись отъ перваго) исключительно въ предѣлахъ прибрежнаго Финляндскаго раіона, явно предпочитая совокупныя дѣйствія съ флотомъ. Обезпеченія нашей операціонной линіи со стороны внутренней Финляндіи онъ считаетъ вполне возможнымъ достигнуть, имѣя «внутри границъ» (т. е. въ своей, «Старой» Финляндіи), обсерваціонный корпусъ, не сильнѣе десяти тысячъ, которому назначалась «позиція при Савитайполѣ и вниманіе на Саволакскъ, съ содѣйствіемъ Саймской флотиліи» и высылкою въ стороны «легкихъ отрядовъ». Какой-либо серьезной диверсіи намъ въ тылъ изъ Саволакскъ-Корелін Суворовъ не опасался, считая, что такой непріятельскій отрядъ «самъ казненъ, окруженъ острыми горами, неза-

щитень» и «самъ пришелъ къ побіенію соединеніемъ на него корпусовъ» да къ тому же «отдаляетъ свою субсистенцію», а сверхъ того «быстрая рѣка Вокша» (Вуокса) «весьма обороняема»...

Отсюда видно, что Суворовъ, съ одной стороны, признавалъ вредными всякое увеличеніе какими-либо побочными, частными цѣлями внутри Финляндіи, кромѣ «большого удара» *по живой силѣ*, а съ другой—не считалъ такого удара рискованнымъ, такъ какъ по мѣстнымъ условіямъ и послѣ имъ же созданнаго фортификаціоннаго усиленія нашей границы, онъ рассчитывалъ сдержатъ всякія покушенія изъ внутренней Финляндіи на нашъ тылъ даже безъ особенной затраты силъ... Намѣчая же *ближайшею* цѣлью операций такіе пункты какъ Свеаборгъ и Або, онъ сходится вполне съ Петромъ, такъ какъ для обезпеченія успѣха «Большого удара» надо предварительно подготовить таковой.

Надобно не упускать изъ вида, что вопросъ о *снабженіи* войскъ, дѣйствующихъ въ Финляндіи, всѣмъ необходимымъ, являлся данною, вліяющею самымъ существеннымъ образомъ на характеръ всѣхъ стратегическихъ соображеній... Поэтому надежная связь оперирующихъ войскъ съ ихъ тыломъ, съ главною базой въ Старой Финляндіи, которую самъ Суворовъ искусно прикрылъ сооруженными имъ крѣпостями и укрѣпленіями, являлась въ данномъ случаѣ вопросомъ первостепенной важности.

На мѣстныя средства рассчитывать было нечего, а сообщенія по грунтовымъ дорогамъ, не смотря на ихъ сравнительно хорошія качества, происходили крайне медленно и затруднительно, особенно, если бы понадобилось доставлять тяжести вглубь страны. Въ этомъ случаѣ, опять таки, веденіе операций *вдоль побережья* крайне облегчало задачу (конечно въ навигаціонный періодъ): коммуникаціонные пути легко переходили на гораздо болѣе удобные водные фарватеры. Хотя мы и не обладали господствомъ на морѣ, но все же можно было пользоваться съ этою цѣлью шхерными путями, какъ сравнительно малодоступными покушеніямъ противника. Даже въ тѣ времена, при отсутствіи парового флота, преимущества водныхъ путей для передвиженія грузовъ были настолько очевидны, что шведы (какъ мы знаемъ изъ дошедшихъ до насъ различныхъ проектовъ и плановъ по оборонѣ Финляндіи) намѣчали цѣлый рядъ водныхъ сообщеній пзъ Швеціи вглубь Финляндіи, думая приспособить и внутреннія воды послѣдней,

какъ для перемѣщенія тяжестей, такъ даже и для маневрированія войскъ ¹⁾...

Для насъ пользованіе внутренними водными путями Финляндіи, кромѣ водъ Сайменской системы, было малодоступно, хотя уже Суворовъ предвидѣлъ содѣйствіе «Саймской флотиліи»... Война 1808—1809 года подтвердила ярко, до какой степени прозорливо намѣчены были геніальнымъ старцемъ основныя черты будущей войны со Швеціей... Единственное, въ чемъ не оправдались его расчеты, это—относительно нашего *флота* ²⁾. Онъ, правда, не могъ предвидѣть союза Швеціи съ Англіей, а также того состоянія неготовности, которое вынуждало нашъ флотъ крайне запаздывать своимъ выходомъ въ море и потому упускать благоприятныя минуты для раздѣльнаго нападенія на союзниковъ, не говоря уже объ ошибкахъ его командованія.

Если бы въ 1808 году ближе держались совѣтовъ Суворова, о которыхъ, внѣ всякаго сомнѣнія, никто въ то время и не вспомнилъ,—то, несомнѣнно, многіе тяжелые для нашего самолюбія моменты этой кампаніи, искупленные только доблестью русскаго воинства и офицерства, были бы, вѣроятно, избѣгнуты.

Вмѣсто одновременной погони за нѣсколькими цѣлями въ зимнюю кампанію, приведшей къ извѣстному намъ кризису весны 1808 года, изъ котораго мы вышли благополучно только благодаря ошибкамъ и нерѣшительности противника, и то цѣною огромныхъ усилій, Суворовъ, надо полагать, удовлетворился бы въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ захватомъ южной Финляндіи, со Свеаборгомъ, до Або и Тавастгуса включительно и, уже во всякомъ случаѣ, предпринялъ бы дальній поискъ на сѣверъ не прежде, какъ подтянувъ съ тыла достаточныя силы для утвержденія въ занятой части края. Имѣя въ виду, въ качествѣ конечной цѣли, «большой ударъ» по непріятельской живой силѣ, Суворовъ не могъ бы почти игнорировать ея существованіе и такъ разбросаться по всей площади Финляндіи, камъ это сдѣлали войска графа Буксегвдена.. Можно съ увѣренностью предполагать, что Суворовъ, считавшій достаточнымъ вглубь Финляндіи лишь поиски для дѣйствія въ тылъ шведамъ, если бы они что-либо предприняли противъ граничныхъ крѣпостей, едва ли заслалъ бы колону Туч-

¹⁾ См. въ гл. III нашего труда (апрѣль 1908 г.) планъ анонимнаго автора для наступленія изъ Саволакса къ Кекегольму.

²⁾ Въ замѣткахъ, диктованныхъ ген. Прево-де Люміану, онъ говорилъ: «а la mer elle (la Russie) sera beaucoup plus forte et ruina la flotte suédoise».

кова I (а позднѣ Барклая) къ Куошіо. Во всякомъ случаѣ онъ не основывалъ бы никогда, какъ Буксгевденъ, всѣхъ своихъ наступательныхъ плановъ, на совмѣстномъ дѣйствіи противъ намѣченнаго объекта двухъ отдѣльныхъ группъ, раздѣленныхъ иной разъ 300—400 верстнымъ разстояніемъ и трудно проходимою, изрѣзанною озерами и скалами мѣстностью...

Это стремленіе дѣйствовать непременно двумя отдѣльными группами—одной съ фронта, а другой на сообщенія, является типичною особенностью финляндской кампаніи 1808 года, и притомъ—у обѣихъ сторонъ. Нельзя не подозрѣвать здѣсь вліянія стратегическихъ идей извѣстнаго теоретика Бюлова, какъ разъ въ это время получившихъ распространеніе и, какъ извѣстно, впоследствии, при помощи пресловутаго Пфуля, отразившихся на нашемъ стратегическомъ развертываніи въ Отечественную войну.

Пфуль уже состоялъ въ это время на русской службѣ и, какъ было нами въ своемъ мѣстѣ указано, принималъ участіе въ разработкѣ первоначальнаго плана нашего вторженія въ Финляндію. Весьма возможно, что идеи стратегической геометріи приобрѣли уже тогда достаточное право гражданства въ нашихъ высшихъ военныхъ кругахъ; по крайней мѣрѣ ихъ несомнѣнное вліяніе чувствуется на всѣхъ стратегическихъ соображеніяхъ, запискахъ и планахъ, подписанныхъ Буксгевденомъ и составленныхъ въ его штабѣ, начальникомъ котораго былъ извѣстный П. К. фонъ-Сухтеленъ... Въ настоящее время трудно установить, кто являлся истиннымъ творцемъ этихъ плановъ, за осуществленіе которыхъ такъ упорно держался Буксгевденъ и которымъ такъ не сочувствовалъ Тучковъ I, что и привело къ размолвкѣ между нимъ и главнокомандующимъ...

Намъ кажется, что кампанія 1808 г. въ Финляндіи, между прочимъ, весьма поучительна въ томъ отношеніи, что ею наглядно опровергаются многія, такъ сказать, предвзятыя у насъ понятія о способахъ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи... Обыкновенно принято думать, что въ Финляндіи значительныя силы не могутъ дѣйствовать въ совокупности, что нужно дробить войска непременно на отдѣльные самостоятельные отряды, дѣйствующіе *врозь* и что, въ общемъ, въ Финляндіи слѣдуетъ скорѣе всего ожидать чего-либо вродѣ партизанской войны... Суворовъ какъ разъ именно и предостерегаетъ отъ этого заблужденія и, несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ недавняго прошлаго. Вѣдь его «замѣчанія» писаны были на другой годъ по окончаніи войны нашей съ Густавомъ III, во время которой серьезныя дѣла были только на морѣ, а на сухомъ пути ве-

лась только, въ сущности, малая война. Весьма понятно, что эта кампанія и осталась, по существу, безрезультатной.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ, вѣрно оцѣнивая своеобразныя свойства финляндскаго театра, требовалъ, чтобы операціи какъ оборонительныя, такъ и наступательныя велись не только возможно болѣе сосредоточенно, но и *совмѣстно* сухопутными и морскими силами, рука объ руку... Образцовый примѣръ такой операціи въ Финляндіи былъ уже данъ при Петрѣ; въ кампанію 1808—09 года, наоборотъ, мы совершенно отступились, какъ отъ этихъ классическихъ уроковъ прошлаго, такъ и отъ совѣтовъ великаго Прозорливца-Суворова, повторявшаго, въ сущности, почти тоже, что было до него на практикѣ продѣлано при Петрѣ...

Соображенія, которыми руководился Великій Петръ и его «птенцы», разыгрывая финляндскую кампанію, а также идеи Суворова, проникнуты тѣмъ истиннымъ методизмомъ, который, какъ говаривалъ нашъ общій учитель Г. А. Лееръ, создается изъ гармоническаго сочетанія рѣшительности съ осторожностью... Наши дѣйствія въ войну 1808 — 09 гг., наоборотъ, носятъ на себѣ въ значительной степени отпечатокъ той стратегіи, которую тотъ же Лееръ называлъ авантюристическою, противопоставляя еѣ истинному (а не ложному) методизму... Истинный методизмъ исходитъ всегда изъ уваженія къ обстановкѣ; ложный методизмъ всегда носится съ какой-нибудь модной односторонней теоріей и, такъ сказать, насильственно стремится вдвинуть ходъ событій въ заранѣ заготовленныя рамки, которыя сплошь да рядомъ оказываются неподогнанными къ данному случаю и — ломаются...

Такъ было и тутъ. Стремленіе поскорѣе захватить какъ можно болѣе «пространства земли» привело къ дробленію силы на отдѣльныя мелкія независимыя группы, число которыхъ все болѣе и болѣе умножалось по мѣрѣ нарастанія частныхъ цѣлей... Съ другой стороны, съ захватомъ края, войска все болѣе и болѣе таяли — нужно было удерживать захваченное... Въ результатъ, имѣя всегда абсолютное и притомъ значительное превосходство въ силахъ надъ противникомъ, мы никогда не могли стянуть, не говоря уже въ одной группѣ и въ однихъ рукахъ, но для одной *цѣли* болѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ наличныхъ силъ... Даже подъ конецъ войны, когда вмѣсто корпуса въ Финляндіи собралась уже цѣлая почти 60 тысячная армія, активную дѣятельность проявлялъ, въ сущности, только одинъ, едва десятитысячный, вестроботнійскій корпусъ. На неувѣренный образъ дѣйствій его, — даже при Каменскомъ, — безспорно оказывала

известное влияние его скупоматренная числительность, особенно при неизбежной, по природным условиям, хрупкости его сообщений...

Излюбленная Буксгевденом система совместного, так сказать, давления на избранную объектом неприятельскую группу с фронта и с тыла оказалась несостоятельной; этот чисто теоретический кунштюк в жанре Бюлова оказывался совершенно непригодным в Финляндии, где всякое обходное движение, по прихоти причудливо-извивающихся озерных пространств, растягивается на многие версты, неизбежно затягивается надолго и потому всегда может быть заблаговременно раскрыто и предупреждено... Когда наши колонны, в начале зимнего похода, не будучи стеснены водными препятствиями, по просту неотступно теснили неприятеля и действовали (особенно Кульнев), *близкими обходами*, часто даже по льду, причем нервно пускалась с этой целью конница,—они неизменно имели быстрый и решительный успех... То же повторилось и летом, когда Каменский, сразу убедившись в начале своего наступления, что давление на сообщения ведет только к взаимной затяжной игре, перешел к энергичному натиску сосредоточенными силами и стал добиваться успеха близким обходом, не стесняясь трудностями местности...

Если теснота полей сражения в Финляндии и препятствует совместному разворачиванию крупных боевых единиц, то все-таки, вполне возможен и законен будет здесь, так сказать, параллельный бой нескольких колонн, на разных путях, образуя прерывчатый, но все же *общий* фронт, которым можно руководить и который можно направлять известным образом к достижению определенной цели... Надо принять во внимание, что при современных боевых порядках, там где сто лет тому назад могла драться дивизия, теперь с трудом развернется батальон... За то теперь мы имеем в руках другие средства, позволяющие объединять действия таких разрозненных колонн, разумно средства для поддержания связи, почти отсутствовавшие в тогданнее время...

Вместе с тем в самой Финляндии, по сравнению с 1808 годом, значительно увеличилось число путей. Необходимо, конечно, тщательное их знание и пользование не только проезжими дорогами, но, и иной раз, даже тропами, лишь бы провести колонну в желаемом, более коротком направлении, дающем возможность избегать кружного обхода озерных пространств, раз-

дѣляющихъ на десятки верстъ, чтобы вывести часть своихъ силъ внезапно для противника въ непредвидѣнномъ имъ мѣстѣ....

Многочисленные примѣры изъ войны 1808 г. показываютъ наглядно, какое огромное преимущество даетъ въ Финляндіи заблаговременное знаніе мѣстности, притомъ такое знаніе, которое можно приобрести только изученіемъ на мѣстѣ... Шведы, особенно въ первое время, имѣли надъ нами въ этомъ отношеніи огромное преимущество, и можно указать рядъ примѣровъ (начиная съ нечаяннаго нападенія при Револакскѣ), когда знаніе мѣстности и услуги проводниковъ изъ мѣстныхъ жителей являлись главнымъ основаніемъ ихъ успѣха... Возможность пользоваться бѣльшимъ чѣмъ прежде количествомъ дорогъ, въ связи съ появленіемъ рельсовыхъ линій, облегчающихъ разрѣшеніе вопроса о питаніи войскъ, несомнѣнно допустить дѣйствіе въ Финляндіи болѣе крупныхъ силъ, чѣмъ было въ 1808—09 гг. и даже наступленіе ихъ болѣе широкимъ стратегическимъ фронтомъ, чѣмъ допускалъ Суворовъ. Необходимо только помнить основное свойство желѣзныхъ дорогъ, ихъ чрезвычайную хрупкость. Суворовъ могъ основательно рассчитывать обезопасить свой тылъ съ соблюденіемъ строгой экономіи въ силахъ при отсутствіи желѣзнодорожныхъ линій; но, во всякомъ случаѣ, необходимость установленія *связи водою* Петербурга съ Финляндіей сознавалась и имъ, что видно изъ самыхъ его операціонныхъ направленій, никогда не отдалявшихся отъ побережья. Необходимость установленія такой связи, какъ мы знаемъ, сознавалась и въ 1808 1809 гг., и попытки къ тому дѣлались, несмотря на то, что непріятель удержалъ за собою господство на морѣ во все время войны...

Обезпеченіе снабженія всѣмъ необходимымъ съ тыла,— вотъ коренное условіе, которое въ Финляндіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо, обязательно, и поэтому характеръ всѣхъ стратегическихъ комбинацій въ Финляндіи будетъ особенно зависѣть отъ *степени увѣренности въ своемъ тылу*. Достаточно припомнить, что смѣлое преслѣдованіе Каменскимъ шведовъ до крайнихъ предѣловъ сѣвера было возможно только *при условіи того полного спокойствія всей страны въ его тылу*, которое наступило почти мгновенно послѣ рѣшительнаго удара при Оровайсѣ, отбитія десанта Баграціономъ у Хельсинге и очищенія Сандельсомъ Тайволы... Точно также и въ зимнемъ походѣ 1808 г., въ началѣ кампаніи, мы гнали шведовъ такъ увѣренно только потому, что, уповая на приверженность финновъ, не заботились о безопасности сообщеній...

Говоря кстати, финляндская война безусловно и съ полною убѣдительностью подтверждаетъ то мудрое правило, которому слѣдовали въ отношеніи *народной войны* наиболѣе выдающіеся военные вожди... Гидру народнаго мятежа нужно уничтожать ударомъ *въ сердце*, а не по очереди рубить ея безостановочно выростающія головы... «Надо дѣлать большой ударъ», какъ выражался Суворовъ, не занимаясь «иррупціями» и «презирать незнатные набѣги», отвѣчая на нихъ только «репрессаліями». Въ Финляндіи народныя шайки жили и дѣйствовали до тѣхъ поръ, пока за ними гонялись регулярные отряды (вродѣ дѣйствій Орлова-Денисова въ Вазаской губерніи, особенно хорошо иллюстрирующихъ «выростающее отрубленныхъ головъ гидры»). Народную войну всегда бодритъ и питаетъ надежда на успѣхъ своихъ регулярныхъ войскъ и на поддержку съ ихъ стороны... Надо разбить послѣднихъ на голову и тогда только народное волненіе, не имѣя себѣ пищи, быстро утихнетъ... Во Франціи 1870—71 года такъ называемые «франъ-тирѣры» потому скорѣе всего имѣли такъ мало успѣха и значенія, что, въ моментъ ихъ появленія, уже не было во Франціи регулярной арміи, на которую они могли бы опереться. Наоборотъ, у насъ въ 1812 году, партизанская и народная война могли такъ успѣшно развиваться вслѣдствіе того, что въ Бородинскомъ сраженіи мы разбиты, въ сущности, не были. Армія наша, отойдя за Москву, быстро могла залѣчить свои раны и снова подготовиться къ борьбѣ съ врагомъ, который такъ и не могъ оправиться отъ послѣдствій побѣдоноснаго только по внѣшности сраженія...

Графъ Каменскій правильно понималъ это значеніе рѣшительнаго успѣха надъ живою силою противника; вотъ почему онъ такъ настойчиво и искалъ послѣдовательнаго ряда столкновеній съ нею, стремясь довести ее до полнаго изнеможенія... Такъ въ сущности и вышло послѣ Оровайса, когда шведы послѣдовательно бросали цѣлый рядъ прекрасно оборудованныхъ оборонительныхъ позицій только подъ угрозою *возможности* новаго рѣшительнаго боя. Доведя противника до состоянія полнаго отказа отъ дальнѣйшаго сопротивленія и тѣмъ достигнувъ основной цѣли кампаніи—покоренія всей Финляндіи, Каменскій *попутно* достигъ и *полнаго замиренія* края.

Отсюда выводъ: какія бы враждебныя дѣйствія мѣстнаго населенія Финляндіи ни сопровождали операціи войскъ въ ея предѣлахъ,—они не должны отнюдь отвлекать значительныхъ силъ отъ прямого дѣла... Въ войну 1877—78 года на Кавказскомъ театрѣ

поднятое магометанскими эмиссарами въ Чечнѣ и Дагестанѣ возстаніе горцевъ отвлекало у насъ цѣлыя дивизіи, и какъ разъ въ такое время (послѣ снятія 1-й осады Карса), когда каждый лишній баталіонъ въ составѣ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса былъ, буквально, на вѣсь золота... Дивизіи, посланныя усмирять возстаніе, подавили бы его гораздо лучше, усиливъ войска, дѣйствующія противъ Мухтара-паши и давъ имъ возможность раньше перейти въ наступленіе...

Графъ Каменскій очевидно понималъ это, такъ какъ, вставъ во главѣ своего корпуса, прежде всего стремился стянуть въ своихъ рукахъ какъ можно больше силъ, ослабить отдѣльно дѣйствующіе отряды, имѣющіе особое назначеніе и привлечь къ себѣ въ частности, войска, безуспѣшно боровшіяся на Вазаскомъ побережьѣ противъ народнаго движенія... И его усилія дали ему, если не превосходство въ силахъ надъ Шведами, то все же возможность дѣйствовать рѣшительно, а не уклоняться отъ столкновеній, какъ вынужденъ былъ дѣлать передъ нимъ Раевскій. Кромѣ того, въ этотъ періодъ войны брошена была въ отношеніи партизанскихъ шаекъ та ложная гуманность, которая только потворствовала смѣлости организаторовъ народнаго движенія. Отъ снисходительнаго заигрыванія съ мѣстнымъ населеніемъ, внушаемаго расчетами привлечь его на свою сторону, мы перешли, наконецъ, къ заслуженнымъ карамъ по адресу повстанцевъ. «Гдѣ гдѣ рубятъ—тамъ щепки летятъ», и «репрессаліи» въ подобныхъ обстоятельствахъ являлись только мѣрою неизбѣжной, вполне справедливой и даже болѣе гуманной, чѣмъ добродушная уступчивость и слабость... Затяжная малая война, «обоюдно равная и не полезная», особенно ярко выказалась въ дѣйствіяхъ нашихъ въ іюнѣ и іюлѣ 1808 г. въ предѣлахъ Вазаской губерніи, а также въ Карелии, до тѣхъ поръ пока серьезныя усилія надъ регулярными войсками шведовъ не привели къ естественному ослабленію финскаго народнаго движенія.

Сводя все вышеизложенное, можно, какъ представляется намъ, сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Основаніемъ всякаго плана операцій въ Финляндіи, оборонительнаго или наступательнаго, является *прочное устройство тыла и надежныя сообщенія съ базой*. Поэтому приходится, пожалуй, придти къ заключенію, что *зимняя кампанія въ Финляндіи не такъ уже для насъ была-бы соблазнительна* какъ это первоначально казалось на основаніи опыта 1808 года. Если обороноспособность Финляндіи зимою и уменьшается, а доступность ея—

увеличивается, то это условіе идетъ одинаково на руку обѣимъ сторонамъ, такъ какъ вторженіе внѣшняго врага и поддержаніе его связи съ внѣшнимъ миромъ возможно теперь и *зимю*.

2) Каждая операція въ Финляндіи должна вестись болѣе чѣмъ гдѣ либо методически-последовательно, и нанесеніе рѣшительныхъ ударовъ врагу нельзя предпринимать очертя голову, не заручившись надежно вышеуказанными условіями; въ противномъ случаѣ потребуется сразу притянуть сюда такія силы, которыя едва ли отвѣчаютъ общему значенію этого, во всякомъ случаѣ, второстепеннаго театра военныхъ дѣйствій.

3) Естественныя условія, затрудняющія доступъ изъ Финляндіи въ ближайшіе къ Петербургу предѣлы, приходятъ на помощь обороняющемуся; мы видимъ уже изъ трудовъ Суворова по укрѣпленію бывшей русско-шведской границы, насколько доступъ въ такъ называемый «перешеекъ» между Финскимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ можно было уже тогда затруднить сравнительно легко, ибо мѣстность на «перешейкѣ» не даетъ даже превосходному въ силахъ противнику средствъ воспользоваться этимъ своимъ превосходствомъ: короче говоря—это тѣснина, надежная и умѣлая защита которой можетъ быть затянута надолго, впредь до болѣе благопріятнаго оборота дѣлъ... Съ другой стороны, опытъ изслѣдованной русско-шведской войны показываетъ, что всякій десантъ, высадившійся на побережьѣ Финляндіи, даже въ тѣхъ исключительно-благопріятныхъ условіяхъ, которыя имѣли мѣсто тогда для шведовъ (полное сочувствіе мѣстнаго населенія и господство на морѣ), чувствуетъ себя въ достаточной степени неувѣренно, неохотно отдалается отъ побережья и неизбѣжно тяготеетъ къ своему флоту...

4) Съ пріобрѣтеніемъ полного господства на морѣ, наступающему выгоду высадиться какъ можно ближе къ Петербургу... Объ этомъ, какъ мы знаемъ, помышляли и въ 1808 году, но Густавъ IV Адольфъ предусмотрительно сваливалъ эту довольно таки рискованную задачу на своихъ союзниковъ—англичанъ, которые, какъ извѣстно, отъ предложенной имъ высадки въ Бьеркэ уклонились... Последующія десантныя попытки шведовъ не выходили изъ предѣловъ Ботническаго залива, даже не заходя южнѣе г. Або, и то отдаленность избранныхъ десантныхъ пунктовъ отъ района расположенія «финской арміи» гр. Клингспора приводила къ неуспѣху и отдѣльному пораженію этихъ отрядовъ.. Нуженъ очень сильный и вполне самостоятельный десантъ, нужно полное

господство на морѣ, чтобы увѣренно и методично вести дальнѣйшія операціи на побережьѣ. Такъ было, напримѣръ, въ послѣднюю русско-японскую войну...

5) Если при стратегической оборонѣ слѣдуетъ, согласно вышеуказаннаго, возможно болѣе избѣгать дробленія своихъ силъ, какъ-бы ни былъ великъ соблазнъ въ зависимости отъ нерѣдко весьма важнаго частнаго значенія отдѣльныхъ пунктовъ, то не менѣе важно держаться того же принципа при наступленіи. Последнее слѣдуетъ считать возможнымъ, по прежнему, при содѣйствіи флота, опираясь на побережье и морскія силы, главнымъ образомъ для того, чтобы не зависѣть отъ сухопутныхъ сообщеній...

6) Сосредоточеніе силъ не слѣдуетъ понимать въ Финляндіи въ смыслѣ стремленія осуществлять извѣстный принципъ: «врознь двигаться и вмѣстѣ драться»: послѣднее невыполнимо уже потому, что нѣтъ такихъ достаточно открытыхъ мѣстъ, гдѣ можно было бы развернуть для боя больше нынѣшней бригады пѣхоты. Но *рядъ* отдѣльныхъ паралельныхъ колоннъ могутъ, одновременно наступая, завязать рядъ боевъ въ опредѣленномъ *общемъ* направленіи и съ опредѣленною *общей* цѣлью. Всякій бой начинается съ столкновенія передовыхъ частей сталкивающихся колоннъ, и только впоследствии промежутки между ними постепенно заполняются со вводомъ въ дѣло остальныхъ силъ...

Въ Финляндіи этого заполнения сдѣлать нельзя, такъ какъ *промежутковъ-то* этихъ не будетъ, а могутъ быть только отдѣльныя, оторванныя другъ отъ друга поля битвы. Въ 1808 году операціи раскинулись на широкомъ пространствѣ всей Финляндіи, да и средствъ, подобныхъ современнымъ, для поддержанія связи и, слѣдовательно, одновременнаго управленія дѣйствіями такихъ паралельныхъ колоннъ не было... Тѣмъ не менѣе уже нѣчто подобное, намекающее на такого рода образъ дѣйствій, мы видимъ хотя бы въ бояхъ у Алаво и Карстула, имѣвшихъ тѣсную между собою связь, являясь какъ бы отдѣльными участками одного поля сраженія, или въ бояхъ при Оровайсѣ и Ютасѣ и т. п.; напримѣръ, при началѣ наступленія Каменскаго, кромѣ его главной группы, было еще два боковыхъ паралельныхъ отряда; тоже при движеніи къ Оровайсу.

При тогдашнемъ неимѣніи техническихъ средствъ сношеній приходилось, разумѣется, ограничиваться только *общими указаніями* начальникамъ такихъ отдѣльныхъ отрядовъ, предоставляя имъ въ дѣлѣ исполненія почти полную самостоятельность. Такое

положеніе вещей въ данномъ случаѣ, въ 1808—09 гг., оказалось выгоднымъ потому, что этимъ путемъ съ наибольшимъ для дѣла успѣхомъ могла выработаться та школа способныхъ къ принятію самостоятельныхъ и отвѣтственныхъ рѣшеній частныхъ начальниковъ, которая принесла свои плоды уже въ 1812 и послѣдующихъ годахъ... Но нѣтъ сомнѣнія, что многихъ недоразумѣній и неудачъ не случилось бы вовсе, если бы въ то время управленіе имѣло въ рукахъ современныя средства взаимныхъ сношеній и передачи воли начальника подчиненнымъ...

Съ другой стороны нельзя не обратить вниманія и на то, что современное развитіе въ Финляндіи средствъ сношеній, въ особенности телефоновъ, можетъ оказаться обстоятельствомъ, скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Въ 1808 году, когда никакихъ телефоновъ еще не было, шведы имѣли всегда самыя точныя и заблаговременныя свѣдѣнія о нашихъ движеніяхъ отъ мѣстныхъ жителей; намъ же зачастую давали ложныя и, когда нужно, умѣли ловко усыплять наше вниманіе, особенно въ первую половину войны (напримѣръ, печальныя нападенія на Аландъ и Готландъ)... Всѣ мѣстные чиновники и духовенство были нами оставлены на своихъ мѣстахъ, а они жъ всего больше и держали руку шведовъ, за немногими исключеніями...

7) Вообще, въ отношеніи мѣстнаго населенія, война 1808—1809 гг. учить относиться къ нему съ большою осторожностью и ни въ какомъ случаѣ не рассчитывать на то, что можно привлечь его на свою сторону только гуманнымъ и мягкимъ обращеніемъ... Много было писано финляндцами объ исконной приверженности финновъ своимъ монархамъ, которая, будто бы и подвигла финскихъ крестьянъ возстать въ 1808 г. съ оружіемъ въ рукахъ противъ русскихъ... Другіе стараются объяснить мятежническое движеніе 1808 года мнимыми насиліями и злоупотребленіями русскихъ войскъ. На самомъ дѣлѣ въ началѣ кампаніи мы скорѣе грѣшили въ сторону чрезмѣрнаго угодничества и, раздавая финскимъ крестьянамъ даровой хлѣбъ, сами послали имъ готовые кадры для повстанческихъ шаекъ въ лицѣ отпущенныхъ на честное слово плѣнныхъ гарнизоновъ. Мы уже приводили въ своемъ мѣстѣ отзывы по этому поводу обоихъ главнокомандующихъ и такихъ лицъ, какъ полковникъ Турскій, маркизъ Паулуччи... Возстаніе въ краѣ стало утихать, когда мы перешли къ энергичнымъ мѣрамъ и, главное, когда вновь начали *одерживать побѣды*. Поэтому народное движеніе, сочувственное нашимъ врагамъ слѣдуетъ всег-

да тушить путемъ усилій въ цѣляхъ рѣшительнаго успѣха надъ этими врагами... Партизанская война большого вреда причинить не можетъ, если только тылъ нашихъ войскъ будетъ такъ организованъ, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ надобности, доставлять все нужное къ этимъ войскамъ морскимъ путемъ.

8) Спокойное пребываніе въ Финляндіи непріятельскаго десанта, даже при полномъ сочувствіи къ нему мѣстнаго населенія, возможно только при надежной увѣренности противника въ томъ, что морскія сообщенія для него вполнѣ обезпечены отъ всякихъ съ нашей стороны покушеній. Вспомнимъ, какъ неувѣренны и опасливы были дѣйствія нашего Вестроботнійскаго корпуса въ концѣ войны 1808—09 г. только отъ того, что онъ не могъ никакъ заручиться обезпеченной доставкой моремъ всего необходимаго изъ Финляндіи.

Всѣ лучшія комбинаціи вражескихъ десантовъ будутъ какъ-бы висѣть на воздухѣ до тѣхъ поръ, пока въ нашихъ водахъ будутъ оставаться хоть какія-нибудь морскія силы, способныя нарушить непрерывность морского подвоза къ высадившимся непріятельскимъ войскамъ съ ихъ главной базы... Въ этомъ отношеніи идея Петра Великаго о созданіи военнаго порта на южномъ берегу Финскаго залива, и именно въ Моонзундѣ (Рогервикъ), предоставляя возможность, безъ потери во времени, неизбѣжной при нахожденіи флота въ Кронштадтѣ, предупредить, ударомъ во флангъ, всякія покушенія на сѣверномъ побережьѣ того-же залива, была, безспорно, гениальнымъ рѣшеніемъ вопроса о безопасности Петербурга... Во всякомъ случаѣ, присутствія хотя-бы и слабыхъ нашихъ морскихъ силъ въ Финскомъ заливѣ, даже только шхерныхъ флотилій мелкихъ судовъ (миноносцевъ и подводныхъ лодокъ) достаточно, чтобы заставить противника отнести свою высадку далѣе на западъ и даже произвести еѣ въ сравнительно болѣе безопасныхъ водахъ Ботническаго залива. Но въ этомъ случаѣ сообщенія противника по сѣверному пути удлинняются...

Вотъ практическіе выводы общаго характера, которые, какъ намъ представляется, могутъ быть сдѣланы изъ фактовъ войны 1808—09 года. Чтобы закончить нашъ трудъ, необходимо еще обратиться къ области тактики и сопоставить тѣ указанія, которыя даетъ эта война, съ современными условіями веденія боя на столь своеобразной мѣстности, какъ финляндская.

П. А. Кивѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).